УДК 398.(=352.3)
DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-139-146

МОТИВ «СПАСЕНИЯ» ТЕЛА ПОГИБШЕГО В АДЫГСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Хагожеева Лиана Славовна, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana 1771@mail.ru

В статье рассматривается один из малоизученных в адыгском фольклоре мотив «спасения» тела погибшего на поле боя. Согласно рыцарскому воинскому этикету, оставление тела погибшего считалось предосудительным для тех, кто возвратился с поля битвы. Этот принцип стал фольклорным мотивом, частым как в преданиях, так и в историко-героических песнях. Данный мотив нашел свое отражение и в богатырской сказке. В статье анализируются конкретные формы его отражения в историко-героических песнях и характер его художественного осмысления. Также изучаются связанные с ним мотивы защиты права погибшего на достойное погребение и оплакивание родными. Привлекаются сравнительные материалы из фольклорных и этнографических источников, в которых отражены принципы верности и взаимовыручки в опасности и недопущения потери оружия погибшего в бою.

Ключевые слова: Историко-героические песни, адыгэ хабзэ (адыгский этикет), наездник-воин, фольклорный герой, принципы военной этики, художественное осмысление мотива.

Историко-героические песни представляют собой одно из важнейших средств художественного осмысления реальных событий и личностей. В них отражаются основные этапы социально-исторического и культурного развития традиционного адыгского общества. Они также явились конкретной формой выражения специфических компонентов адыгской этнической культуры, образа и формы жизни военно-феодального сословия, состоявшего из князей (пщы) и дворян различных степеней (уэркъ); их мировоззрения, традиций, принципов и норм их поведения.

В песнях и плачах названной разновидности, как и других жанрах фольклора, нашли отражение нравственно-этические нормы, лежащие в основе традиционной духовной культуры этноса. «Краеугольным камнем духовно-нравственной культуры была, как отмечалось выше, система нравственных, моральных ценностей – *адыгагъэ – адыгство, адыгская этика*, представлявшая собой квинтэссенцию «нравственного опыта народа, вырабатывавшуюся веками механизм его культурной самоорганизации»[1]. В адыгском традиционном обществе главным достоинством мужчины являлась воинская доблесть, а самой большой наградой становилась песня в честь героя. Таким образом, следование принципам военной этики считалось неотъемлемым качеством наездника-воина. Так, непреложным законом у адыгов была верность и взаимовыручка в опасности и в бою. Примером следования этому правилу служит описание характеристики личности одного из прославленных героев русско-кавказской войны Магомеде Аша Атажукине – (Мухьэмэд Iэшэ), принадлежащее Флориану Жилю, преподавателю французского языка цесаревича Александра Николаевича (Александра II), впоследствии занимавшему пост начальника I Отдельного Императорского Эрмитажа. В 1858 г. он совершил путешествие на Кавказ. Впоследствии, по итогам путешествия он издал

весьма любопытные заметки, где и содержатся рассказы о Магомете Атажукине: «У переселившихся черкесов и кабардинцев был один герой, князь Мохаммед-Аше-Аттажуко. Одновременно рыцарь и поэт, он был идеалом всех черкесов, видевших в нем олицетворение мужества. В одном из боев с нами он проявил благородство, достойное времен христианского рыцарства. Один ногайский князь, Эдик-Мариаф, его друг, сражался рядом с ним; его конь был убит. На виду наших казаков, все более и более сжимавших черкесов, Мохаммед-Аше спрыгнул со своего коня и предложил вскочить на него Эдику-Мариафу. Последний, не менее благородный, отказался от этого, заявив, что «он лишь простой ногайский князь пред Мохаммед-Аше, кабардинским князем, гордостью своего народа». Тогда Мохаммед-Аше, прыгнув в седло, схватил за пояс своего друга, увез его и, сделав последнее усилие, сумел преодолеть со своей ношей линию наших казаков»[2].

Этот же автор описывает, как Мохаммед-Аша в 1846 году, сопровождаемый лишь тринадцатью такими же, как он, решительными воинами, совершил нападение на Ставрополь. Это был отчаянный поступок, стоивший ему жизни. В этом сражении он проявил самые изысканные качества доблестного воина и был прославлен в песнях[3].

Такой поступок был предусмотрен рыцарскими установками «уэркъ хабзэ» (дворянский этикет), отступление от которого считалось нарушением правил рыцарской военной чести. Данное правило было явлением естественным и закономерным в обществе, в котором одним из важнейших принципов военной рыцарской этики считалось не оставление тела погибшего соратника на поле боя, защита его права быть достойно погребенным и оплаканным родными и близкими. Оставить тело воина, погибшего в сражении или во время наезда (зекIуэ) считалось недостойным, позорным для адыгского рыцаря. Д.А. Лонгворт по этому поводу писал: «В характере черкесов нет, пожалуй, черты, более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших – о бедных останках мертвого, который уже не может чувствовать этой заботы. Если кто-либо из их соотечественников пал в бою, множество черкесов несется к тому месту, чтобы вынести его тело, и героическая битва, которая затем следует, – явление такое же частое в сражениях черкесов, как и в старые времена на равнине у Трои, – зачастую влечет за собой ужасающие последствия»[4].

Аналогичные сведения приводит также Хан-Гирей: «Небольшие партии воинов, – отмечет он, – скрытно пробираются, быстро нападают и быстро скрываются, и, в случае погони за ними, сражаются отчаянно, и тела убитых товарищей с удивительною решительностью уносят с собою; и здесь, как и в больших действиях, защищая тело убитого товарища, целые партии погибают; они, убив своих лошадей и из них сделав батареи, продают жизнь дорого. Примеры подобных отчаянных подвигов нередки, и черкесы это все делают из жажды к славе храброго воина и боясь названия труса, а не из жадности к добыче, которую им, конечно, не принесет смерть»[5].

Описанный выше мотив «спасения» тела погибшего, содержится в большей части адыгских песен времен Кавказской войны. Так в песне «Жэщтеуэ» – «Ночное нападение» описаны действия князя Исмеля Кайтуко, который совершает подвиг «спасая» тело погибшего соратника:

«Алмырзэкъуэр даубыда<щ>», – жеIэри къегъазэ,
Зауурэ и шахъшымалыр бгъэхыдэ<щ>,
Тамбиикъуэм и хьэдэщIым зыщипсэщ,
Урысыжьуэ къуентхъым щыгугъхэр щхьэщыпхущ.
Хуарэм тесэу, афицарышхуэр редзых.

«Схватили Альмурзоко», – сказав, разворачивается,
В сражении свой патронташ опорожняет,
Над телом Тамбиюко спешивается,

Русских неверных, желающих взять трофеи, отгоняет,
Офицера грузного, сидящего на чистокровной
лошади, сбрасывает с коня[6].

В бжедугской версии этой песни «Къэбэртаемэ ячэщтео иорэд» – «Песня о ночном нападении кабардинцев», приводится такое же описание гибели героя:

«Алыбэзыкъор даубытагъ – еIошъ – къегъзэ, шъуежъыу!
Джаурыжъэри къонтхъым енэцIы шъхьай щъхьащефы,
Тамбыи гущэми и хьадэкIыIуми дзэр щепсых…»

«Алибазуко зажали – говорит и поворачивает,
Джаур мерзкий на добычу зарится, но он отгоняет,
У Тамбия тела воины спешиваются»[7].

В соответствии с этим кодексом дворянской чести, оставление дворянином-уорком тела своего погибшего князя было нарушением одного из краеугольных его принципов – верности[8]. Так, в песнях, сложенных по поводу гибели прославленных героев, указываются имена нарушителей законов рыцарской воинской чести, оставивших тело своего товарища, или своего князя-сюзерена на поле боя. В «Песне об Айтеке Канокове» это отражено так:

Пщы щауэ закъуэу дэфшар
Аржыныжь мыгъуэм къыIуанэжащ.

Юного княжича, которого увели с собой
<спутники> у Аржи проклятого оставили[9].

Данная песня сопровождается следующим преданием, где описывается событие, датируемое 1803 годом: «Бесленеевский герой. Был убит при одном набеге на «Линию», и тело его, в нарушение хабзе, было брошено в поле. Даже аталык не позаботился отдать дань погибшему. Мать-аталык сложила гыбзу своему кану. Сначала излагается событие, потом порицание бесленеевцам и хвала Канокову, далее – плач матери-аталык, наконец – проклятие по адресу труса мужа».[10]

Обличение нарушителей законов воинской чести продолжается уже от имени павшего героя, что придает песне особую эмоциональную силу и выразительность:

Уэ сэ си нэ мыгъуэр зэтесхмэ,
Сэшхуэ къиха мыгъуэр сщхьэщытщ,
Уэркъ гуп гущэуэ сызыхэтар
Зэрыгъэлъэхъууэ мэкIуэж.

О, глаза свои открою –
надо мной стоят обнаженные шашки,
Уоркская компания, в которой я состоял,
обгоняя один другого удаляется[11].

Среди оставивших тело героя был и аталык (воспитатель), что делает вину и бесчестие спутника еще более глубокой.

Ержыб гущэм и дахэр
«атэлыкъщ» жызоIэри изот,
Шы нэф гущэр жэруэ естащи,
жьэдэмыIэххэуэ мэкIуэж.

Эрджибское ружье красивое*
с почтением мастеру я отдал**,
Коня быстроногого одноглазого*** я подарил,
А он (т.е. аталык) на нем, не удерживая за узду,
(т.е. не торопясь) уезжает[12].

В песне указываются имена спутников, оставивших тело погибшего.

В соответствии с этим же законом, оставление тела погибшего дворянина-уорка князем тоже считалось нарушением правил рыцарской чести. В адыгском обществе обличие князя было редким явлением. Но поскольку, отступление от принципов военной этики считалось недопустимым бесчестием, нарушители могли быть обесславлены в песне. Так в песне «Шурдым Пщымахуэ» – «Песня о Шурдуме Пшимахо» беспощадному обличию подвергается князь Хатокшоко, который не вступил в сражение вместе со своим уорком и оставил его тело на поле боя.

ХьэтIохъущокъуэу лIы фIыцIэжь фагъуэ,
Гуащэнагъуэр зытепыхьэн,
Зыбгъазэрэ зы шэр къахэбдзэркъэ,
зебдзыхрэ хьэдэр нэпщтэжыркъэ!

Хатакшоковых черный муж недобрый, бледный,
Гуашаного тебя пусть оплачет!
Повернулся бы и [хоть] одну пулю выпустил,
Спрыгнул бы и тело подобрал![13]

Нарушение рыцарской этики князем Хатокшоко описывается и в предании «Обычаи мудавейских ханов и упрек кабардинским князьям». Хатокшоко Паго поехал в Хаджиретию с намерением жениться на вдове. В это время в тот аул прибыли мудавеи и угнали овец. Все пустились в погоню, но уорки с которыми был Хатокшоко стали за курганом и не вступили в сражение. В эту ночь героически погиб молодой сын вдовы Бекмурза-сухощавый. После этого события вдова ответила ему отказом сказав: «ЩIалэ цIынэр къыщаукIым ар зи гуым идэуэ Iуащхьэм къыкъуэплъуэ щысахэм, абы и лей пыIэ зыщхьэрыгъ дунейм темытми, сыдэмык1уэн! ФыкъыздикIа къуэжэжьыр фщIэжмэ, фыкIэж! – Если даже на свете станет не кому носить папаху кроме тех, кто стоял за курганом, выглядывая из-за него в то время, как был убит неопытный юноша, за того, кому сердце это позволило, не выйду! В аул из которого вы приехали, если помните его, то возвращайтесь туда!»[14]. По этому поводу абадзехи сочинили песню:

Хьэжрэтым ди щIалэгъуалэхэр мэзыхьэм хуэдэу зыкъырагъэшх.
Къэбэрдейм я пщы гъэшхахэр
Iуащхьэ къуагъым къытхукъуэмыкI
Лэу къуажэуэ уызыдэмыкIыххэм
Сыт напэкIэ уыдэплъэжыну?
Дыщэпсит1ыр къыцэм къыхоплъ
Вакъэ плъыжьым Iуащхьэр неубэ.

Шубэ гъэхуыр фокькIэ къахоуэ.
Къасейхэ я гуащэжьым хывытхъукIэ фыкъыхуегъашхэ.

* Ружье знаменитого оружейного мастера.

** По окончании пребывания в семье воспитателя, согласно обычаю, родители воспитанника делали аталыку богатые подарки.

*** Лошадей в шорах называли одноглазыми. Шоры – специальные пластины, надеваемые на морду лошади, закрывающие ей обзор по сторонам. На поле боя использовались они для ограничения области зрения лошади по бокам, чтобы она не пугалась и подчинялась только своему наезднику.

Хьэжрэтым дэ фэдгъэшхар
Къэрэкъанэм къыфхуырихыж.

Хаджиретов наши юноши
лесным собакам (волкам) подобно
искусать (истребить) себя позволить не трусят.
Кабарды князей откормленных
из-за кургана вынимать мы не можем.
Золотые шнурки* из кустов выглядывают,
красные чарыки** вершину кургана утаптывают,
белошубый*** из ружья стреляет.
Касаевых гуаша старая буйволовым маслом вас кормит.
Все, что мы, хаджиреты, вам скормили, да отберет у вас Керекана![15]

Для адыгского наездника-воина не было ничего более унизительного и позорного чем быть обесславленным в песне, так как пока поется песня, имена покрывших себя вечным позором не будут забыты, такой человек никогда не будет пользоваться уважением в обществе, он становится изгоем. Пятно позора могло распространиться и на его потомков и сородичей.

Къэрабгъэ джанэр Лъахъэдыгъухэ я унэм щыребз,
Езыгухэ я унэм щыред,
Лахъу Бэракъ и унэм щевдзыж!

Сорочку труса <она> кроит в доме Лахадуговых,
Шьет в доме Егузовых,
<А> повесьте <ее> в доме Барака Лахова!
Потому, что юного княжича <тело> оставили
<на поле битвы>[16]

Существование подобной установки, правила, которому адыги следовали неукоснительно подчеркнуто в песне:

Беслъэнейм фи щIалэгъуалэм
Хьэдэ къыщынэр я хабзэщ,
КIэмыргуейм ямыхабзэххэу
Тхьэщаукъуэжьым къиублэщ.

У бесленеевской вашей молодежи.
Оставлять <на поле> трупы <своих погибших>
не было в обычае.
Но то, что не было в обычае у темиргоевцев,
Тхашауко противный завел[17].

Следует отметить, что в другом варианте песни бесленеевцы обвинены в том, что когда-то они оставили тело убитого и это повторялось в ряде песен, что является свидетельством существовавшего среди адыгских племен своеобразного соперничества, когда каждое из племен позиционировало себя как в наибольшей степени соответствующее идеалам адыгского кодекса адыгэ хабзэ, и, в целом, понятию адыгагъэ – адыгства.

Таким образом, наездник-воин строго следовал принципу не оставления тела погибшего, боясь быть обесславленным в песне. Но, если же в силу определенных

* У князей одежды были обшиты золотыми голунами.

** Подручного своего Быфуко они посылали подняться на курган и посмотреть в сторону сражающихся.

*** На Хапаче была карачаевская косматая огромная шуба.

обстоятельств тело убитого все же оставалось у противника, адыги выкупали его. Этим занимались посланцы, которые договаривались с противниками и обсуждали сумму выкупа за погибшего, предлагая в обмен быков, лошадей и другие предметы. Во время междоусобных войн и столкновений у адыгов тела погибших враждующие стороны не удерживали и возвращали беспрепятственно. К телам погибших врагов традиционно было принято, также относится с уважением. Если не было возможности вернуть тело родственникам убитого, считалось благородным поступком предать его земле со всеми необходимыми условностями.

Для адыгского наездника-воина недопустимым бесчестьем считалось не только оставление тела, но и даже потеря оружия погибшего. Если соратник погибал, товарищи должны были не допустить, чтобы противник завладел его доспехами, схватки могли завязываться между теми, кто хотел снять доспехи с убитого воина, и теми, кто старался не допустить этого. В безвыходных ситуациях, чтобы оружие не досталось врагам, его приводили в негодность: «Видя отрезанными все пути к спасению, – свидетельствовал Ф.Ф. Торнау, – они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкой на присошке и отстреливались, пока было возможно; выпустив последний заряд, ломали ружья и шашки и встречали смерть с кинжалом в руках, зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми»[18].

Понятия уэркъ хабзэ, уэркъ напэ предписывали отстаивать честь товарища и его право на достойное оплакивание.

В песне «Хажретская война» оплакивается гибель героя и описывается, как тело убитого товарища выносится с поля боя:

Муса белохвостый* над пропастью мчался,
В черный день остался с пустым седлом.
Золотую подушку седла – о горе!
И седло твое я привязал.
В бурку косматую – о горе! – труп завернувши,
Вынесли тело Хоста![19]

Историко-героические песни сочинялись в двух случаях: если произошло радостное событие в честь победы в сражении или по поводу гибели прославленного воина. Такие песни носят мемориальный характер. В ней воспевались подвиги героев либо покрывались позором имена тех, кто проявил малодушие в бою. В песне могли быть обесславлены даже те, кто не принял достойную смерть. Только героическая гибель удостаивалась чести быть оплаканным родными. В песнях сложенных по поводу гибели прославленного героя обличаются и спутники, предавшие погибшего. Такова например песня «Къанокъуэ Айтэч и уэрэд» – «Песня об Айтеке Конокове». Исполняется она от имени женщины, которая обличает малодушных спутников, приводя для сравнения то, что даже она, слабая женщина, совершила бы, будь она на их месте. По сути дела, женщина обвиняет их в трусости, отсутствии мужества, в том, что они оказались слабее духом, чем безоружная женщина.

Сэ шы-Iэщэ къабзэр симыIэ щхьэкIэ,
Си жыр лэныстэр сиIэжтэмэ,
Сэ пщы хьэдэр къыщызнэхэнтэкъым, – жеIэри
Гуащэнагъуэр мэтхьэусыхэ.

Пусть у меня и нет коня и оружия боевого,
Будь у меня <хоть> мои стальные ножницы,
Я княжича трупа не оставила бы, – говоря,
Гошенагуэ сетует[20].

* Разновидность породы лошадей.

В варианте песни, сложенной от имени матери-аталыка беспощадному обличению подвергается ее собственный муж:

Твоя борода – что желтого лука лес!
Эй ты, с воробьиным сердцем!
… Ты ходил в золотой черкеске, злосчастный,
На златое стремя ты опирался,
Смелым казался, как сто героев.
Но крою для тебя я рубаху труса,
Стальные ножницы режут не в меру,
Стальную иголку ломаю.
То, что кан-Тлепшу пойдет на слом [т.е. ружье],
Ты предо мною теперь не вешай:
Тебе отведу я место в углу,
Да унесет тебя Тха поскорее!
… Вечным позором, злосчастные, нас вы покрыли!
Да унесет тебя Тха поскорее![21]

Песня «Беслъэн и къуэ Аслъэнджэрий и уэрэд» – «Песня об Аслан-Гирее Бесланове» создана в жанре сетования по погибшему герою. Как уже упоминалось, воины, состоявшие при князе, по рыцарским законам должны были сражаться вместе со своим предводителем и защищать его ценой своей жизни. Дворяне-уорки, вопреки принятым правилам, не защитили своего князя от гибели, оставив его одного на поле битвы. В песне названы имена нарушителей закона рыцарской чести, которые проявили трусость и малодушие. «Наперед княжичи молодые на уорков пусть не надеются»[22].

Таким образом, в историко-героических песнях и плачах нашли, прежде всего, отражение представления об идеальном наезднике-воине. В основе этих представлений лежала система глубоко и детально разработанных нравственно-этических, моральных (адыгагъэ – адыгство) и этикетных норм (адыгэ хабзэ – адыгский этикет).

В соответствии с этими нормами, рыцарские установки «уэркъ хабзэ» предусматривали незыблемый принцип не оставления тела погибшего соратника на поле боя. Это стало причиной появления в адыгском фольклоре мотива «спасения» тела погибшего. Содержится он в большей части адыгских песен времен Кавказской войны. Это свидетельствует о том, что наездник-воин строго следовал данному принципу, боясь быть обесславленным в песне и покрыть себя вечным позором.

Примечания

1. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с. С. 36.
2. *Жиль Ф.А.* Письма о Кавказе и Крыме. Составление и перевод с французского К.А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. С. 138–139. С. 138.
3. Там же. С. 139.
4. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 531–584. С. 531.
5. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. 333 с. С. 309.
6. Адыгские песни времен Кавказской войны. [Текст] / Общ. ред., сост. вступ. ст. В.Х. Кажарова / сост. вступ. ст. А.М. Гутов. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 437 с. С. 93–96.
7. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 1: Героические величальные и плачевые песни. Антология / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев / под ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с. С. 239–241.
8. *Бгажноков Б.Х.* Указ. соч. С. 25.
9. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 118–119.
10. Кабардинский фольклор / Общ. ред. Г.И. Бройдо. Ред. Ю.М. Соколова / Вступит. ст., коммент. и словарь М.Е. Талпа. М.–Л., 1936. 650 с. С. 382.

11. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 118–119.
12. Там же.
13. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов… С. 67–70.
14. Из адыгского нартского эпоса. Материалы архива Н.А. Цагова. Нальчик: Эльбрус, 1987. 106 с. С. 84–85.
15. Там же. С. 84–87.
16. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 118–120.
17. Там же.
18. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик. № 1. С. 50–60; № 2. С. 3–55. 1992; № 3. С. 3–60; № 4. С. 3–48.
19. Адыгские песни времен Кавказской войны... С. 182.
20. Там же. С 119–120.
21. Там же. С. 164–165.
22. Там же. С. 110–111.

THE MOTIVE OF "SAVING" THE BODY OF THE DECEASED IN THE ADYGHE FOLKLORE

Hagazheeva Liana Slavova, Junior researcher Sector of the Adyghe Folklore of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

The article deals with one little-studied in Adyghe folklore motive of "saving" the body of the deceased on the battlefield. According to the military etiquette of the knights, leaving the body of the deceased was considered reprehensible for those who returned from the battlefield. This principle has become a folk motif, often in the legends and in the historical and heroic songs. This motif is reflected in the heroic tale. The article analyzes the specific forms of its reflection in the historical and heroic songs and the nature of its artistic interpretation. Also the motives of protection of the right of the victim for worthy burial and mourning by the family connected with it are studied.

Keywords: historical and heroic songs, adyghe habeze (adighe etiquette), rider-warrior, folk hero, principles of military ethics, artistic judgment motives.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-139-146